

О темпоральных функциях презенса

По мнению А.В.Бондарко, как, впрочем, и многих других лингвистов, семантика форм настоящего времени "чрезвычайно сложна" и вопрос о их значении "издавна имеет дискуссионный характер" /Бондарко, 1990: 21/. Такое утверждение одинаково справедливо как по отношению к темпоральным функциям презенса, так и по отношению к его аспектным функциям. Основная дискуссия вокруг темпоральной семантики презенса разворачивается в плане определения его парадигматических и синтагматических значений. Дискутируется вопрос о том, что является главным системным инвариантным, категориальным значением презенса и какие функции следует приписывать лишь влиянию контекста.

Некоторые лингвисты, учитывая все функциональные потенции презенса в речи, придерживаются мнения о том, что презенс обладает временной универсальностью (*Universaltempus, allgemeine Zeit*), поскольку эта форма может обозначать действия в прошедшем, настоящем и будущем /Weisgerber, 1971: 326/.

Российские германисты Е.И. Шендельс, И.Б. Хлебникова, О.И. Москальская, В.А. Жеребков, М.С. Веденькова, придерживаясь четкого разграничения парадигматических и синтагматических значений презенса, стремятся определить абстрагированное, обобщенное значение презенса в отвлечении от всего многообразия его речевых функций (см. /Веденькова, 1977: 5/. При этом высказываются различные мнения относительно инвариантного парадигматического значения презенса. В качестве основной парадигматической семы называются различные признаки презенса.

Е.И. Шендельс в качестве основного парадигматического значения презенса выделяет инклузивный признак, т.е. признак включения момента речи. Инклузивный презенс связан также с семой "длительность действия". Такие темпоральные функции презенса, как футуральный, повествовательный, качественный, обобщающий и императивный презенс, рассматриваются как его синтагматические значения /Шендельс, 1970: I, 49/.

О.И. Москальская считает, что основное значение презенса включает в себя сему "одновременность с моментом речи" (*Gültigkeit im Redemoment*). Наряду с этим выделяются шесть других функций презенса, в которых, однако, соприсутствует названная сема. Случай генерализирующего и квалифицирующего презенса рассматриваются в непосредственной связи с инклузивным презенсом на основе того, что и в этих случаях не исключается наличие момента речи. По мнению О.И. Москальской, для действий, выражаемых презентными формами, характерна сема "протяженность на временной оси с охватом прошлого и будущего" (*Erstreckung auf*

Vergangenheit und Zukunft). Это касается инклюзивного, узуального, квалифицирующего, генерализирующего, потенциального презенса. Отмечается при этом, что признак "протяженность" свойствен всем типам действий за исключением краткого, моментального действия /Moskalskaja, 1971: 91, 92, 101/.

В.А. Жеребков выделяет не одно, а два основных значения презенса – дифференцированное детерминированное действие и недифференцированное настоящее. Первое значение включает в себя и дифференцированное недетерминированное настоящее, узуальное, "расширенное" или "обычное" прерывистое /Жеребков, 1970: 72, 75/. М.С. Веденькова справедливо отмечает сходство взглядов О.И. Москальской и В.А.Жеребкова, "для которых основное значение презенса есть настоящее дифференцированное и недифференцированное, то есть такое, которое включает в свою протяженность или период (вся временная ось) момент речи" /Веденькова, 1977: 22/.

По оценке М.С.Веденьковой, у Е.И.Шендельс "основное значение презенса ограничено случаями выражения дифференцированного настоящего, но такое настоящее может быть и "расширенным", оно может охватывать временной диапазон, включающий момент речи и имеющий временные интервалы" /там же: 22/.

М.С. Веденькова предлагает считать парадигматическим значением презенса "значение действия настоящего дифференцированного, актуального и неактуального, но виртуально противопоставленного другим временными сферам" /там же: 28/. В более ранней работе М.С. Веденькова отмечает, что основным значением презенса немецкого языка "является значение настоящего, синхронного, одновременного моменту речи" /Веденькова, 1969: 76/. Презенс исторический и повествовательный, презенс футуральный и экранизирующий автор относит к случаям переносного употребления презенса. Эти случаи, "когда действие, выраженное презентной формой, разобщено по времени с моментом речи и соотнесено с прошедшим или будущим", М.С. Веденькова называет эксклюзивным презенсом. Неактуальный презенс, по М.С. Веденьковой, охватывает следующие типы:

- а) презенс обобщающий: *Die Erde ist rund;*
- б) презенс качественный: *Er spricht perfekt deutsch;*
- в) презенс потенциальный: *Bei gutem Wetter fahren wir ins Grüne;*
- г) презенс гномический: *Wer wagt, gewinnt;*
- д) презенс исторических хроник: *49 v. Ch. Cäsar überschreitet den Rubikon;*
- е) презенс, вводящий цитаты: *Schiller sagt: ...*

По мнению А.А. Кульбакина, основным парадигматическим значением презенса является "выражение настоящего времени с различной степенью длительности (tempоральный признак)" /Кульбакин, 1985: 49/.

В.Я. Мыркин, отмечая, что формой презенса в немецком языке можно обозначить и прошедшее, и будущее, и панхроническое время, считает, что "главным значением указанной формы является обозначение настоящего времени". Он выделяет следующие типы настоящего времени:

- 1) актуальное настоящее: Что ты сейчас делаешь?
- 2) расширенное настоящее: Вечерами я читаю книги;
- 3) постоянное настоящее: Саратов лежит на Волге.

Отмечается также, что к главному значению формы презенса примыкает "потенциально-качественное значение, характеризующее субъект действия: Она хорошо танцует; Er studiert Mathematik". От переносных значений формы настоящего времени указанное значение отличается тем, что совпадение момента действия с моментом наблюдения и моментом речи не исключается /Мыркин, 1989: 75/.

В отличие от традиционных подходов к определению семантики презенса, характеризующихся тем, что они основываются на непосредственном сопоставлении моментов речи и моментов действия, В.Я. Мыркин особое внимание уделяет психологическому моменту наблюдения действия, которое соотносится с понятием "теперь". Момент наблюдения рассматривается как средняя величина, располагающаяся между моментом речи и моментом действия. По мнению В.Я. Мыркина, психологическое "теперь" шире мгновения: это переживание субъектом момента настоящего, происходящее нередко дольше момента действия. Утверждается, что "только что прошедшее и физически закончившееся действие еще находится в сфере теперь и обозначается в речи формой настоящего времени: Вот ты говоришь (вместо сказал), что я не прав; Значит, ты мне советуешь (вместо посоветовал) не спешить? Вот ты даришь (вместо подарил) мне свои часы, а что я тебе подарю? и т.п.". Отмечается, что в немецкой речи сфера употребления презенса вместо формы прошедшего еще более широка: ich komme, um dir einen Rat zu geben "Я пришел, чтобы дать тебе совет"; Wo läuft sie denn hin? "Куда это она побежала?" и т.п. Делается вывод о том, что "употребление формы настоящего времени глагола для обозначения действий, фактически прошедших, но психологически остающихся в сфере теперь, не является алогизмом грамматики" /Мыркин, 1989: 75/.

На вопрос, каково категориальное значение форм настоящего времени, А.В. Бондарко дает следующий ответ: "Это значение, на наш взгляд, заключается в указании на отнесенность ситуации к настоящему времени, понимаемому как настоящее в самом широком и общем смысле, без дальнейшей конкретизации и детализации... Это значение является неопределенным, нежестким, "расплывчатым". Это "современность" в самом широком смысле" /Бондарко, 1990а: 22/. Говоря о понятиях закрытой и открытой систем по Р.А. Жалейко, А.В. Бондарко подчеркивает, что семантика настоящего времени в отличие от семантики прошедшего и будущего имеет явно выраженный характер открытой системы. Настоящее актуальное, по мнению автора, "связано с представлением ситуации в ее

развитии во времени. Границы настоящего чаще всего неопределенны, размыты и при этом несущественны" /там же: 23/.

Известно, что большинство лингвистов в качестве ядра семантической сферы настоящего времени называют момент речи. Признак соотнесенности презентного действия с моментом речи рассматривается в качестве постоянного, инвариантного признака формы презенса. Иного мнения придерживается А.В. Бондарко: "... отнесенность к времени речи не рассматривается нами как инвариантный и постоянный признак значения форм настоящего времени. Это признак существенный, специфический для данной формы (в ее отношениях с другими формами времени), но все же не инвариантный, не постоянный, а переменный". Постоянным и инвариантным является "лишь такая временная ориентация, которая, не заключая в себе указания на сферы прошлого и будущего, оставляет обозначаемую ситуацию в целом в центральной сфере временного дейктика (центральной в широком смысле, без обязательной отнесенности ситуации к моменту речи)" /Бондарко, 1990а:23/.

А.В.Бондарко не соглашается также с идеей немаркированности, беспризнаковости презенса, представленной в работах таких лингвистов, как Р.О. Якобсон, В.В. Виноградов, Д.Н. Кудрявский, А.В. Исаченко /Якобсон, 1985: 215, Виноградов, 1972: 429, Кудрявский, 1912: 105, Исаченко, 1960: 420/. По мнению А.В.Бондарко, "беспризнаковая интерпретация презенса ... не характеризует реально выражаемые в речи значения и поэтому не может адекватно их истолковать и объяснить".

Одним из доказательств "позитивного" истолкования значения презентных форм является "механизм транспозиции". Опираясь на общую закономерность метафорических употреблений грамматических форм, выявленную А.А.Потебней и А.М. Пешковским, когда присущее форме значение не устраняется, а так или иначе выявляется, расходясь со значением контекста, А.В. Бондарко считает, что, например, для "образного настоящего", явно выражаемого в живом рассказе о прошлом, не было бы никаких системно-языковых оснований, "если бы значение настоящего не было заложено в самой форме презенса" /Бондарко, 1990а:27/.

Таким образом, А.В. Бондарко считает, что "ни трактовка значения форм настоящего времени на основе идеи беспризнаковости, немаркированности, ни истолкование значения этих форм на базе семантики одновременности с моментом речи не могут достаточно убедительно объяснить языковые факты, охватываемые функционированием форм презенса". Он призывает к более широкой, менее жесткой трактовке семантики презенса. По его мнению, категориальное значение рассматриваемых форм - "это значение "неквалифицированного настоящего", значение современности в широком смысле - та системная основа, на которую накладываются элементы среды, дающие во взаимодействии с этой основой такие частные функции, как настоящее актуальное, настоящее историческое, настоящее в контексте будущего, настоящее узуальное, гномическое и т.п." /там же: 31/. Понятие "современности", принимаемое А.В. Бондарко за категориальное системное

значение презенса, "связано с единством "я" и "теперь", причем это "теперь" имеет широкий смысл, несводимый к моменту речи: "теперь" может включать этот момент, но может и не выделять его в широкой сфере наличного, современного - не ушедшего в прошлое и не отодвинутого в будущее, возможно и ситуативно обусловленное исключение момента речи из сферы такого "теперь" (- Ты теперь отдохнешь? - В данный момент нет, а вообще да, я в отпуске и т.п.)" /там же: 23/.

А.В. Бондарко стремится найти такой общий признак, который охватывал бы все типы употребления презентных форм. И если многие лингвисты "общим значением", инвариантом презенса считают отнесенность действия (шире, ситуации) к настоящему моменту, то для А.В. Бондарко этот признак является лишь одним из основных значений презенса, его частным значением.

Согласно нашему подходу все выделяемые в литературе и отмеченные выше темпоральные функции презенса определяют семантический потенциал рассматриваемой формы. В то же время нельзя не согласиться с тем, что понятие "современность" лежит в основе всех презентных ситуаций. Мы вслед за А.В. Бондарко считаем, что семантическую основу всех презентных ситуаций составляет признак "современность", неразрывно связанный с единством "я" и "теперь". На этой основе базируется также и аспектная семантика презенса, ибо семантический потенциал презентной формы представляет собой сложный комплекс темпорально-аспектных значений.

Литература

1. Бондарко, 1990- Бондарко А.В. Темпоральность: временной дейксис и вопрос о значении формы настоящего времени // Теория функциональной грамматики. Темпоральность. Модальность. Л., 1990в. С. 21-32.
2. Веденькова, 1977- Веденькова М.С. Система времен современного немецкого языка (парадигматика). Днепропетровск, 1977.
3. Веденькова, 1969- Веденькова М.С. Презенс и момент речи // Некоторые вопросы романо-германской филологии. Челябинск, 1969. Вып. 1У. С. 70-78.
4. Виноградов, 1972- Виноградов В.В. Русский язык (Грамматическое учение о слове). 2-е изд. М., 1972.
5. Жеребков, 1970- Жеребков В.А. Опыт описания грамматической категории времени в системе немецкого глагола // Учен. зап. Калининского гос. пед. ин-та. 1970. Т. 72. Вып. 3.
6. Исаченко, 1960- Исаченко А.В. Грамматический строй русского языка в со-поставлении с словацким. Братислава, 1960. Ч. П.
7. Кудрявский, 1912- Кудрявский Д.Н. Введение в языкознание. Юрьев (Дерпт), 1912.
8. Кульбакин, 1985- Кульбакин А.А. Функционирование глагольных

- временных форм в художественном тексте: (на материале немецкого языка) //Функционирование языковых единиц в тексте. Воронеж, 1985. С. 49-56.
9. Moskalskaja, 1971- Москальская О.И. Теоретическая грамматика Современного немецкого языка. 2-е изд. М., 1975.
- 10.Мыркин, 1989- Мыркин В.Я. Вид и время глагола в русском и немецком языках: (сопоставительный анализ). Л., 1989.
11. Шендельс, 1970- Шендельс Е.И. Многозначность и синонимия в грамматике. М., 1970.
12. Якобсон, 1985- Якобсон Р.О. Шрифтеры, глагольные категории и русский глагол // Принципы типологического анализа языков различного строя. М., 1972. С. 95-113
13. Weisgerber, 1971- Weisgerber L. Grundzüge der inhaltbezogenen Grammatik. 4. Aufl., Dusseldorf, 1971.